

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-143-152>

УДК 316.4

© 2023

М.С. Лащёнов

Социальное партнерство в правоохранительной сфере: теоретико-методологические аспекты исследования

*Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Академия управления МВД России»,
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена поиском причин неудовлетворительной практики построения социального партнерства в правоохранительной сфере. Основной проблемой сложившегося положения дел, по мнению автора, является наличие аксиологического барьера в сознании предполагаемых субъектов взаимодействия: органов внутренних дел и общественных организаций правоохранительной направленности. Длительность преодоления аксиологического барьера, как и отсутствие поступательного динамизма в выстраивании действенной системы, отягощены непониманием природы феномена социального партнерства. Данное обстоятельство способствовало доминированию преимущественно нормативной основы для мобилизации движения «общественников» и предопределяло административно-командные методы стимулирования общественной активности «сверху». Это породило симуляционные и сверхцентрализованные практики, исключая ценностную содержательность коммуникативного процесса, инициативность, заинтересованность, самостоятельность, персональную ответственность и иные обязательные атрибуты партнерской формы взаимодействия.

Целью исследования выступает необходимость определения сущностных характеристик социального партнерства, систематизация и учет которых позволит предложить концептуальную основу его формирования в правоохранительной сфере. Методом исследования является абстрактное моделирование ситуации, при которой развитие партнерских отношений анализируется посредством системно-деятельностного подхода, позволяющего исследовать как системные свойства социального партнерства, так и специфику деятельностного содержания анализируемой модели, генерирующую успешные совместные действия субъектов в процессе построения социального партнерства.

Результаты и ключевые выводы проведенного исследования позволили описать сущностные особенности партнерской формы взаимодействия, представить авторское определение социального партнерства в правоохранительной сфере и предложить основные направления его активизации в целях построения действительно партнерских практик.

Ключевые слова: социальное партнерство, взаимодействие полиции, общество, социальное управление, правоохранительная сфера

Для цитирования: Лащёнов М.С. Социальное партнерство в правоохранительной сфере: теоретико-методологические аспекты исследования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. – С. 143–152. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-143-152>.

M.S. Laschenov**Social partnership in law enforcement:
theoretical and methodological aspects
of the research***FSPEI HE «Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia»,
Moscow, the Russian Federation*

Annotation. The relevance of the research topic is determined by the search for the reasons for the unsatisfactory practice of building social partnerships in the law enforcement sphere. The main problem of the current state of affairs, according to the author, is the presence of an axiological barrier in the minds of the intended subjects of interaction: internal affairs bodies and public law enforcement organizations. The length of time it takes to overcome the axiological barrier, as well as the lack of progressive dynamism in building an effective system, are burdened by a lack of understanding of the nature of the phenomenon of social partnership. This circumstance contributed to the dominance of a predominantly normative basis for mobilizing the movement of «social activists» and predetermined the administrative-command methods of stimulating public activity «from above.» This has given rise to simulation and over-centralized practices that exclude the value content of the communication process, initiative, interest, independence, personal responsibility and other mandatory attributes of a partner form of interaction.

The purpose of the research is to determine the essential characteristics of social partnership, systematization and accounting of which will allow us to propose a conceptual basis for its formation in the law enforcement sphere. The research method is abstract situation modeling where the development of partnerships is analyzed through a system-activity approach. It makes possible to study both the systemic properties of social partnership and the specifics of the activity content of the analyzed model, which generates successful joint actions of subjects in the process of building a social partnership.

The results and key conclusions of the research have made it possible to describe the essential features of the partnership form of interaction, present the author's definition of social partnership in the law enforcement sphere and propose the main directions for its activation in order to build truly partnership practices.

Keywords: social partnership, interaction between police and society, social management, law enforcement

For citation: *Laschenov M.S. Social partnership in law enforcement: theoretical and methodological aspects of the research // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No 4. P. 143–152. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-4-143-152>.*

Введение. Актуальность построения партнерства между полицией и обществом не теряет своей актуальности уже на протяжении длительного времени. Проблематика социального партнерства в правоохранительной сфере устойчиво вошла в круг основных интересов ведомственного научного сообщества, явилась предметом заметно возросшего числа научных

публикаций, прикладных исследований, круглых столов и конференций. Тема «Социальное партнерство в механизме государственного управления» преподается в Академии управления МВД России в рамках дисциплины «Теория и механизмы современного государственного управления». Междисциплинарное внимание к тематике создает хороший научный задел

для качественного обмена информацией между социологами, психологами, политологами, юристами и экономистами.

Однако в целом оптимистичные ожидания научного сообщества пока слабо реализуются в правоохранительной сфере. Причины такого состояния, как показывает анализ существующей практики, кроется в отсутствии действенных механизмов рациональной регуляции взаимоотношений, основу формирования которых проектируют с позиции развития партнерских отношений взаимодействующих субъектов. Но и это вторично, поскольку первичной причиной, по нашему мнению, выступает непонимание самой природы происхождения партнерских отношений, непонимание их теоретической основы. В ряде случаев состояние партнерства субъектов в правоохранительной сфере пытаются представить (неумышленно смешивая) с позиции благотворительности, волонтерства, добровольчества, кооперации, сотрудничества, коллаборации и т. п., тем самым неосознанно порождая несколько иные формы взаимоотношений, более отвечающие признакам псевдопартнерства и квазипартнерства, и дискредитируя тем самым саму идею истинного социального партнерства, придавая ей ничтожность для целей правоохранительной практики.

Как итог, все чаще в ходе научных дискуссий утверждается точка зрения, что никакого социального партнерства в правоохранительной сфере нет. Есть только партнерство, обусловленное экономическими и юридическими факторами. Вступая в отношения обмена, участник взаимоотношений ожидает материальные вознаграждения, юридическое поощрение либо психологический эффект своих действий. Никакого социального удовлетворения (общественного признания и т. п.) субъекты от своего соучастия (вовлеченности) не испытывают, а если и испытывают, то только в процессе самостоятельной реализации правоохранительных функций, то есть в процессе, предшествующем

оформлению партнерства со специализированным субъектом правоохраны. Иными словами, рост общественной активности в правоохранительной сфере действительно присутствует и это подтверждено множеством исследований, но как только ставится вопрос об организации совместных усилий, практическая реализация постепенно свертывается, инициативность неспециализированных субъектов слабеет и в конечном итоге сводится на нет. Отсюда, предложенная гипотеза для исследования звучит следующим образом: органы внутренних дел (далее – ОВД) в лице специализированных субъектов правоохраны не обладают должными компетенциями выстраивания истинных партнерских практик. Ведомственный процесс конструирования отношений партнерства не отвечает исходным теоретическим положениям воспроизводимого феномена, и, соответственно, не вызывает идентичных внутренних чувств у иных сторон взаимодействия. Полиция не получает эмоционального отклика соучастников на совместно конструируемую практику, не обретает морального единства и моральной силы с участниками отношений, не приобретает взаимной зависимости, почтения, комфорта, заинтересованности и солидарности.

Целью настоящей статьи выступает необходимость выделения сущностных особенностей партнерства как одной из форм взаимодействия. Задачей автора выступает желание показать, чем именно партнерство отличается от иных форм взаимодействия и возможности использования его теоретической конструкции в социальной реальности при выстраивании механизмов партнерского взаимодействия полиции и общества.

Представляется, что нахождение ответа на интересующий нас вопрос может лежать в различной плоскости и рассматриваться как с позиции теоретико-методологического конструирования партнерских отношений через анализ категории «соци-

альное действие», «социальное взаимодействие», «социальный порядок» [1, 2], так и с позиции анализа абстрактных моделей организации партнерских взаимодействий, что предполагает включение системно-деятельностного подхода.

Основная часть. В статье мы намерены использовать разработанные в рамках деятельностного подхода методологические приемы анализа социальных систем. Свою аргументацию выбора деятельностного подхода отметим высказыванием В.В. Фетискина: «Все, что существует в обществе, – это либо проявления, либо последствия человеческой активности» [3, с. 27], но с небольшим уточнением в том плане, что такие отношения не могут быть сведены лишь к анализу самой деятельности, ибо, как отмечает В.Н. Сагатовский: «сущность человека выражается в деятельности, но не сводится к ней» [4, с. 76]. Таким образом, мы выражаем солидарность с позицией классиков деятельностного подхода и подчеркиваем необходимость вычленения элементов человеческой деятельности, имеющих принципиальное значение для нашего исследователя. Среди них – ценностные установки и ориентации, мотивы деятельности, ожидания, притязания, интересы и т. д. Они, наряду с самой деятельностью, выступают необходимыми элементами анализа социальной реальности, в том числе при описании партнерских практик.

Так что объединяет все партнерские практики? В чем исключительная суть партнерских отношений? Сценарий развития партнерской формы взаимодействия мы предлагаем рассмотреть на основе самостоятельно сконструированной модели, поместив двух людей в одну лодку. Проектируемая ситуация построения взаимоотношений между двумя людьми при нахождении «в одной лодке, дрейфующей в открытом море», помогает наглядно продемонстрировать возможности для описания различных форм взаимодействия, как

говорится, в спектре отношений «от любви до ненависти».

Не составит особого труда описать сущностные отличия партнерства и любви, партнерства и дружбы, партнерства и конкуренции, способные возникнуть между путниками в процессе длительного совместного путешествия. Понятно, что некоторые отношения предполагаются среди разнополых субъектов, но для целей нашего исследования, акцентирующего внимание на развитии субъектно-субъектных отношений, такое уточнение не столь принципиально. Сложнее, или скажем, актуальнее и нужнее вычленить факультативные (не основные) признаки партнерства в условиях иерархичности отношений (подчиненности, подконтрольности, поднадзорности и т. д.), возникающих в силу субъектно-объектных отношений, то есть когда один из соучастников находится в отношениях власть-подчинение, подконтролен либо выступает элементом иерархической системы.

Представив все возможные формы взаимодействия в их динамическом развитии, попытаемся выделить те черты взаимоотношений, которые характеризуют исключительно партнерские цели, ценностные установки, ожидания и мотивы взаимодействия. Итак, оказавшись в одной лодке, оба человека могут сдружиться и принимать совместные решения, обеспечивающие им дальнейшее существование: совместно искать пропитание (ловить рыбу), определиться со сторонами света, взаимно заполнять информационное пространство посредством общения, грести в одном направлении и т. д. Такие отношения могут перерасти в более искренние чувства и породить дружеские или даже любовные отношения. Либо наоборот, они могут рассориться и находиться в состоянии конфликта, продуцировать противоборствующие отношения, оказывая противодействие друг другу, высказывая угрозы или перейти к прямому рукоприкладству, вступив в состояние войны, которая в на-

шем исследовании воспринимается ничем иным, как одной из форм взаимодействия, как, собственно, и все вышеперечисленные: любовь, дружба, конкуренция, конфликт, вражда и т. п.

Так вот, партнерство, или партнерская форма взаимодействия теоретически может получить свое развитие при любом сценарном развитии, то есть и в отношениях дружбы, и в отношениях противостояния, и даже войны либо конфликта. Иными словами, будучи друзьями, обе стороны могут принять совместное решение о необходимости приложения совместных физических усилий к тому, чтобы любыми способами совместно добраться до берега. Аналогичное совместное решение могут принять и находящиеся в ссоре или конфликте стороны, поскольку общезначимая для них проблема предполагает разрешение только в результате совместных, например, физических усилий. Даже находясь в состоянии исключительного противостояния, любые разумные существа понимают, что противодействие друг другу лишь отдаляет возможность спасения, обоюдное противодействие расходует их силы и ресурсы, и даже лишение одного из них жизни автоматически лишает второго возможности воспользоваться всеми возможностями (физическими, когнитивными, новаторскими и т. д.) убиенной стороны. Именно поэтому широкое распространение получила точка зрения о партнерстве как форме рационального и цивилизованного существования общества, выступающего залогом бесконфликтного общения и разрешения разногласий.

Таким образом, мы приходим к выводу, что любые предшествующие состояния взаимодействующих субъектов не препятствуют образованию партнерских отношений. Отличие будет состоять лишь в степени (качестве) таких взаимоотношений и сроках их выстраивания. В состоянии дружбы к необходимости задействования совместных ресурсов субъекты, бесспорно, придут быстрее, чем в отношениях

конфликта или ссоры, пока собственно не осознают необходимость совместного участия и объединения имеющихся ресурсов. Такое соучастия становится возможным на основе достижения консенсуса, солидарности, доверия и т. д., но это уже отдельный аспект исследования.

Отсюда следует, что обязательным условием образования партнерских практик, а соответственно, и сущностным отличием партнерских отношений, будет выступать наличие общей для субъектов цели – достижение ожидаемого (прогнозируемого) состояния объективной реальности, исключающей наличие общезначимой проблемы как исходного положения этих взаимодействующих субъектов. Партнерство – это, по сути, совместная деятельность, направленная на решение проблемы посредством личной заинтересованности (мотивации) каждого из находящихся в лодке к совместному использованию ресурсов, находящихся в их ведении (либо в ведении противоположной стороны). Иными словами, достижение цели – «спастись и доплыть до берега» – выступает значимым фактором объединения усилий (находящихся в их ведении ресурсов). И подобные партнерские отношения могут существовать вплоть до фактической реализации намеченного плана. Как только цель будет достигнута, прежние основания для поддержания партнерства исчезнут, но наличие положительной практики может выступать весомым аргументом для организации в дальнейшем совместных действий, направленных на решение иных общезначимых проблем.

Партнерские практики могут быть прерваны по инициативе сторон (одной стороны) и при не достижении общей цели, если у участников (одного из участников) будет отсутствовать мотив к совместной деятельности. Например, когда один из находящихся в лодке «поставил на себе крест» и решил упокоиться с миром, потерял надежду на спасение, «смирился с ситуацией» либо «доверился судьбе»,

уповая на божью милость. Отсюда следует вывод, что стимулирование партнерства возможно, но через активизацию усилий другой стороны, актуализацию применения совместных мер по достижению общезначимой цели. При этом не следует смешивать партнерство и непосредственные контакты для его актуализации, партнерство и осведомленность о партнере. Это все предшествующие партнерству действия. Здесь стоит снова уделить внимание такому обязательному критерию, как обоюдно осознаваемому наличию совместной цели для выстраивания партнерских практик, поскольку при ее отсутствии, действия второй стороны будут содержать признаки скорее добровольчества (волонтерства), а не партнерства! При добровольчестве субъект вступает во взаимоотношения и оказывает содействие посредством участия личными ресурсами исключительно из благих намерений, основу которых может наполнять альтруизм, бескорыстие, благородство, гуманизм, милосердие и т. д., но не достижение цели посредством совместного решения общезначимой проблемы. Отсутствие взаимной зависимости, ответственности, приоритет самостоятельности подрывают процесс взаимодействия, и говорить в этом случае о партнерстве нет никаких оснований. Это добровольчество, волонтерство, оказание услуги, но не партнерство. Но в это же время – это хорошие исходные основания для выстраивания партнерских практик. Точнее, это исходные условия для установления «взаимной привлекательности» будущих партнеров, их идентификации на предмет проблемно-ориентированного общения, мотивации, наличие ценностных установок и ожиданий от возможного взаимодействия.

Немаловажным аспектом выстраивания партнерских практик выступает анализ такого признака, как равноправие субъектов взаимодействия. Представляется, что равноправие не выступает сущностной особенностью формирования партнер-

ских практик. В лодке могут оказаться и разнополые люди, разных возрастов и профессий, вероисповеданий, культурных особенностей, обладающие различными компетенциями, социальными статусами, различными материальными и физическими возможностями. Подобные различия вовсе не исключают возможности для формирования партнерских практик, а лишь указывают на необходимость «совместной площадки» для демонстрации своих возможностей, для «чистого общения» и обмена мнениями в целях согласования позиции для дальнейшей совместной деятельности. Сконструированная нами модель предполагает наличие лишь одной площадки для взаимодействия – «лодки», дрейфующей в открытом, безлюдном океане. Преднамеренное ограничение пространства позволяет сосредоточиться на межсубъектных отношениях. Более широкий континуум, безусловно, открывает возможности диалога в отношении неограниченного круга субъектов, что предполагает акцентировать внимание на механизмах поиска и выбора партнеров.

Есть необходимость указать на отсутствие партнерских отношений при сохранении отношений подчинения (надзора, контроля) и субординации, поскольку в данном случае один из субъектов лишается личной внутренней мотивации к приложению усилий по достижению намеченной цели и действует исключительно в интересах и с позиции управляющего субъекта. Субъектно-субъектные отношения (коммуникации или чистое «непосредственное» общение) в этом случае замещаются субъектно-объектными, лишаящими подчиненную сторону инициативной самостоятельности действий, искренних выражений интересов и ценностных ожиданий от совместного участия. В этой модели проявляются признаки принуждения, подавления, признаки властно-распорядительных отношений, но не партнерство. Партнерство же становится возможным только в случае перевода

модели в субъект-субъектные отношения, исключаяющие сохранение властно-распорядительных функций в отношениях сторон. Здесь следует напомнить, что существенным признаком понятия «субъект» является наличие у него воли, сознания, ценностных ориентиров, целевых установок и способности к целесообразной деятельности, направленной на решение проблемы, достижение состояния ее разрешенности. Целесообразность – это действия и поведение субъекта, отвечающие интересам достижения цели. При этом, формулируемая субъектом цель лежит вне пределов совместной деятельности, а поэтому при анализе социальных практик нельзя объективно соотнести внешнюю совместную деятельность субъектов исключительно к партнерству без понимания их истинных целей. А поэтому природа партнерских практик состоит не столько в совместных действиях, сколько в понимании сути их совершения. В понимании целей их совместной деятельности и ожидаемых изменениях социальной реальности в результате совместной деятельности. Иными словами, то, ради чего субъекты ведут совместную реализацию, и определяет отнесение их деятельности к партнерской. Как отмечает В.А. Лекторский, «...общая схема деятельности не подходит для осмысления межсубъектных взаимоотношений» [5, с.27], поскольку любой деятельности должны предшествовать «значимые контуры до-деятельных сознательных переживаний в их смысловой реальности».

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что существенным отличием формирования партнерских практик выступает наличие разделяемой субъектами ценности как целевой установки для совместной деятельности. В понятие «ценность» мы вкладываем некое «свойство явления действительности» [6], понимание его важности и высокой значимости для субъекта. Субъект в нем заинтересован и испытывает потребность, ввиду

чего «ценность» и выступает ориентиром его социальной деятельности. Например, общественную безопасность мы понимаем как состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств. Ценность и значимость обеспечения общественной безопасности воспринимается фактически каждым субъектом общества, за исключением деструктивных элементов. Однако практическое ее обеспечение требует решения большого количества проблем и задач в самых различных областях, от организационно-правовых до информационных, социально-экономических, политических и т. д., посредством реализации соответствующего комплекса мер. Единоличная реализация этих мер специализированными субъектами правоохраны, вне конструктивного взаимодействия с иными субъектами правоохранительной направленности, представляется менее результативной, что вызывает необходимость поиска форм их совместной реализации. Одной из таких форм выступает социальное партнерство. В результате общественная безопасность в категории «ценность» выступает индикатором поиска активных и заинтересованных субъектов, осознанное понимание которыми взаимного интереса побуждает к активным действиям в постижении партнерских практик. К сожалению, существующая практика социального партнерства в правоохранительной сфере не всегда отражает наличие всего комплекса обязательных атрибутивных признаков. Отличие одного из которых не позволяет в полной мере соотнести их к истинному партнерству. Различные же примеры предпартнерского взаимодействия достаточно широко освещены в работах, посвященных возрождению народных дружин [7, 8], организации добровольческих и поисковых организаций [9], взаимодействию со СМИ [10] и т. д.

Обязательным условием выстраивания партнерства выступает наличие

совместной площадки и согласительных процедур («обмен символами», идеями, представление позиций и т. п.). Согласуемое с нашей позицией понимание партнерства можно встретить у Иванова В.Н. и Патрушева В.И., которые рассматривают его как «...тип социальных отношений, направленный на развитие согласованных действий» [11, с. 74], а также представляют его как «процесс, направленный на достижение положительного результата в совместной деятельности партнеров этого взаимодействия» [11, с. 76]. В обоих случаях, сущностная особенность партнерства сводится авторами к отношениям постоянного согласования повседневной практической деятельности, основной целью которой является решение общих задач, опосредованных ценностными установками. Иными словами, разделяемые партнерами ценностные установки выступают основой их социального взаимодействия и формируют целевые ориентиры и ожидания от совместных действий. При этом, реализуемое социальное взаимодействие понимается исключительно с позиции *взаимного* (постоянного, регулярного, систематического) влияния субъектов друг на друга, имеющих целью вызвать соответствующую, обратную реакцию со стороны партнера. В иной конфигурации мы будем иметь дело с социальным действием, имеющим целью изменить установки, стремления и поведение другого субъекта, т. е. односторонне, без принятия желания и возможности «меняться самому». В этой связи уместно использовать понятие «интеракции» Дж. Мида [12], понимаемые им как взаимное влияние друг на друга в процессе непрерывного диалога (межличностной коммуникации), что, кстати сказать, представляет возможности для исследования социального партнерства с позиции теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса [13].

Вся суть социального партнерства – это совместное решение общих для участников проблем, реализуемое на ос-

нове процедур согласования интересов, взаимного учета позиций взаимодействующих сторон, целевых установок и ценностных ожиданий. Участники в процессе взаимодействия могут обмениваться любыми материальными благами, идеями, информацией, осуществлением различной деятельности и т. п. Важнейшей особенностью такого взаимодействия должна выступать способность человека понимать то, как его воспринимает партнер, примерять (принимать, ощущать) роль партнера в процессе осуществления взаимного влияния.

Заключение. Проведенный анализ позволит правильно квалифицировать совместные действия субъектов взаимодействия, в том числе и в правоохранительной сфере, как партнерские, а также предложить меры по их активизации в целях развития действительных (истинных) партнерских практик. В этой связи, учитывая современное состояние правоохранительной сферы, представляется, что одной из главных стратегических задач ведомства является создание и обеспечение условий для устойчивого развития и постоянного присутствия в ней самостоятельных общественных организаций, проявляющих активность, инициативность и новаторство в области противодействия преступности, обеспечения общественного порядка, безопасности личности и соблюдению прав человека. И только масштабное появление подобных неспециализированных субъектов правоохранительной направленности способно обеспечить последующую актуализацию «социальных площадок» для обоюдной идентификации субъектов на предмет выявления целевых и ценностных установок, реализацию действительной партнерской практики.

На основе проведенного анализа предлагаем авторское определение социального партнерства. *Социальное партнерство* – это форма взаимодействия, в основе которого положена разделяемая субъектами ценность, порождающая вза-

имную заинтересованность и стремление к совместным согласованным действиям по поводу разделяемой ценности. Отсюда, *социальное партнерство в правоохранительной сфере* определяется нами как взаимодействие субъектов (индивидов, отдельных групп, организаций), для которых

состояние общественной безопасности и соблюдения законности выступает ценностным ориентиром и на этом основании порождает взаимную заинтересованность и стремление к согласованию совместной позиции по консолидации усилий для достижения общих целей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969. – 237 с.
2. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2002. – 880 с.
3. Фетискин В.В. Человек в своей деятельности. – М.: Восход, 2011. – 277 с.
4. Сагатовский В.Н. Категориальный контекст деятельности подхода. Деятельность: теория, методология, проблемы. – М.: Политиздат, 1990. – 365 с.
5. Лекторский В.А., Гараи Л. О теориях деятельности: диалог о том, чем они богаты и чего в них недостает (беседа В.А. Лекторского и Л. Гараи) // Вопросы философии. 2015. № 2. – С. 25–37.
6. Гуманитарный портал. Ценность. 2023. [Обновлено 29 октября, процитировано 20 ноября 2023] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/6895>;
7. Ходжаева Е. Возрождение ДНД (добровольных народных дружин) в России: пример, навязанный сверху мобилизации // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2019. № 3.
8. Лащенко М.С. О готовности органов внутренних дел к формированию социального партнерства в правоохранительной сфере // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. – С. 326–334.
9. Наилучшая практика построения партнерства между полицией и обществом. ОБСЕ, отдел стратегических вопросов полицейской деятельности. Австрия, 2008. [Обновлено 30 марта 2022, процитировано 20 ноября 2023] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/c/32548.pdf>;
10. Намруева Э.В. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. Вып. 4(12). – С. 104–111.
11. Теория управления: социально-технологический подход. Энциклопедический словарь / под ред. В.И. Иванова, В.И. Патрушева. – М., 2004.
12. Мид Дж.Г. Философия настоящего / пер. с англ. В.Г. Николаева. – М., 2014. – 272 с.
13. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 377 с.

REFERENCES:

1. Shchepansky J. Elementary concepts of Sociology. M.: Progress, 1969; 237.
2. Parsons T. On the structure of social action. M., 2002; 880.
3. Fetiskin V.V. A Man in his activity. M.: Voskhod, 2011; 277.
4. Sagatovsky V.N. Categorical context of the activity approach. Activities: theory, methodology, problems. M.: Politizdat, 1990; 365.
5. Lektorsky V.A., Garai L. On theories of activity: a dialogue about what they are rich in and what they lack (conversation between V.A. Lektorsky and L. Garai) // Questions of Philosophy. 2015. 2: 25–37.
6. Humanitarian portal. Value. 2023. [Updated October 29, cited November 20, 2023] [Electronic resource]. Access mode: <https://gtmarket.ru/concepts/6895>;
7. Khodzhaeva E. Revival of the VND (voluntary people's squads) in Russia: an example of mobilization imposed from above // Laboratorium: journal of social research. 2019; 3.

8. Laschenov M.S. On the readiness of internal affairs bodies to form social partnerships in the law enforcement sphere // Social and humanitarian knowledge. 2020. 3: 326–334.

9. Best practices for building police-community partnerships. OSCE, Strategic Policing Unit. Austria, 2008. [Updated March 30, 2022, cited November 20, 2023] [Electronic resource]. Access mode: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/c/32548.pdf>;

10. Namrueva E.V. Interaction of internal affairs bodies with the media // Bulletin of Maikop State Technological University. 2020. 4 (12): 104–111.

11. Management theory: socio-technological approach. Encyclopedic Dictionary / ed. by V.I. Ivanov, V.I. Patrushev. M., 2004.

12. Mead J.G. Philosophy of the present / trans. from English by V.G. Nikolaev. M., 2014; 272 p.

13. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg: Nauka, 2000; 377 p.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Михаил Сергеевич Лащёнов, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и методологии государственного управления,

*ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», Москва, Российская Федерация
e-mail: laschenov.m@yandex.ru
тел.: +7(999)9003544*

Information about the author

Mikhail S. Laschenov, Ph.D (Sociology), Associate Professor, the Department of Theory and Methodology of Public Administration, FSPEI HE «Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia», Moscow, the Russian Federation

*e-mail: laschenov.m@yandex.ru
tel.: +7(999)9003544*

Поступила в редакцию 05.10.2023

Поступила после доработки 24.11.2023

Принята к публикации 24.11.2023

Received 05.10.2023

Revised 24.11.2023

Accepted 24.11.2023